

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годового изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатн. листовъ, 3 р., съ доставкой въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ города Имперіи. — За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб.

Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, домъ № 18.

ВОЗЗВАНІЕ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Православные Христіане! счастливы мы, что Господь, даровавши намъ жизнь, не лишилъ драгоцѣннѣйшаго дара—здоровья. Сколько мы видимъ несчастныхъ людей, одержимыхъ разными недугами: слѣпотою, глухотою, убожествомъ и другими болѣзнями, но мнѣ кажется,—я не преувеличу, если скажу, что самые несчастные люди—это больные проказою—прокаженные. Только очевидцы могутъ представить себѣ, какъ плачевно ихъ положеніе и какъ разрушительно дѣйствуетъ на челоуѣка проказа.

Вотъ какъ описываетъ состояніе прокаженныхъ Св. Григорій Богословъ, жившій слишкомъ за полторы тысячи лѣтъ назадъ (373 г. по Р. Хр, въ бе-

сѣдѣ о любви къ бѣднымъ) «Вы сами свидѣтели ихъ страданій», говоритъ онъ, «предъ вашими глазами поразительное и плачевное зрѣлище, которому едва кто повѣритъ, кромѣ очевидцевъ: люди — живые мертвецы, у которыхъ конечности большей части тѣлесныхъ членовъ отгнили; люди, которыхъ нельзя почти узнать, кто они были прежде и откуда, или лучше — несчастные останки живыхъ нѣкогда людей, которые, чтобы дать знать о себѣ, сказываютъ о своихъ отцахъ, матеряхъ, братьяхъ и мѣстахъ жительства: я сынъ такого-то отца, мать у меня такая-то, имя мое такое-то, да и ты нѣкогда былъ другъ и знакомый!!». Вотъ каково дѣйствіе проказы, а каковы должны быть страданія больного! Но что было во времена Св. Григорія, то же мы видимъ и теперь. Начинается болѣзнь общимъ недомоганіемъ, потомъ образуются пятна и язвы на тѣлѣ, бугры на лицѣ, выпадаютъ брови, усы, борода, — мертвѣютъ пальцы рукъ и ногъ. Далѣе — язвы обнажаютъ кости тѣла, конечности отваливаются и человѣкъ будучи еще живымъ, гниетъ. И теперь отцы и матери не узнаютъ своихъ дѣтей. А такихъ больныхъ по всей Россіи не мало.

Болѣзнь проказа такъ древня, какъ сама исторія, но положительныхъ средствъ противъ нея еще не найдено. Древніе народы, имѣя жестокіе законы, обращались съ прокаженными очень сурово. Пророкъ Моисей предписалъ, чтобы прокаженные жили

внѣ стана, внѣ жилищъ (Лев. 13, 46). Праведнаго Иова мы видимъ лежащимъ на пеплѣ за городомъ (Иов. 2, 8). Этой участи не избѣгали и сильные міра — Іудейскій царь Озія, будучи прокаженнымъ, жилъ въ отдѣльномъ домѣ и отлученъ былъ отъ дома Господня (II Парал. 27, 19, 21). Во времена Іисуса Христа прокаженные жили въ пещерахъ, служившихъ гробами для мертвецовъ, и не смѣли приближаться къ здоровымъ (Лук. 17, 19). Но Іисусъ Христосъ далъ новую заповѣдь, — заповѣдь любви къ ближнему, и во имя этой любви взглядъ на этихъ несчастныхъ больныхъ измѣнился къ лучшему. Св. Василій Великій (373 г. по Р. Хр.) въ Кесаріи устроилъ за городомъ богадѣльню для прокаженныхъ и самъ ухаживалъ за ними. Примѣру его слѣдовали и другіе. Въ средніе вѣка, когда проказа сильно распространилась въ Европѣ, мы видимъ во Франціи одновременно (при Людовигѣ VIII) двѣ тысячи лепрозорій — пріютовъ для прокаженныхъ, куда обязательно помѣщались всѣ зараженные этой болѣзнію. Мѣра эта — отдѣленіе прокаженныхъ отъ здоровыхъ — оказалась самою дѣйствительною: число заболѣваній стало уменьшаться и проказа почти исчезла. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія стали появляться случаи проказы, но на нихъ или не обращали вниманія, или проказу смѣшивали съ другими болѣзнями. Въ послѣднее-же время прокаженныхъ стало довольно много и вы-

нуждены были принимать мѣры противъ ея распространенія.

Для борьбы съ проказою въ 1893 году возникло въ С.-Петербургѣ Общество, принятое въ 1898 году подъ Августѣйшее покровительство ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА . ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ. Означенное Общество поставило своею цѣлью оказывать помощь прокаженнымъ больнымъ и принимать мѣры противъ распространенія проказы. Такъ какъ единственно разумной и полезной мѣрой въ борьбѣ съ проказою, какъ показали наблюденія тѣхъ странъ, гдѣ больныхъ этимъ недугомъ считаютъ тысячами, является отдѣленіе прокаженныхъ отъ здоровыхъ и устройство для нихъ пріютовъ и колоній, то и С.-Петербургское Общество для борьбы съ проказою приняло это испытанное средство. Въ 1894 г. оно построило колонію для прокаженныхъ въ Ямбургскомъ уѣздѣ, рассчитывая на помѣщеніе туда 25 человекъ; но въ настоящее время тамъ содержится свыше 70 человекъ больныхъ и, озабочиваясь благоустройствомъ своей колоніи, Общество постепенно и постоянно расширяетъ и улучшаетъ ея помѣщенія и службы.

Общество для борьбы съ проказою, за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ къ содержанію такого довольно большого учрежденія, какъ названная выше колонія, въ настоящемъ году, съ разрѣшенія Свя-

тѣйшаго Синода, обращается къ вамъ, Православные Христіане, съ настоящимъ воззваніемъ: не откажите въ посильной своей помощи этому благому, святому и въ высшей степени общепользному дѣлу. Своими жертвами вы дадите возможность изъять изъ своего общества прокаженныхъ и поставить этихъ несчастныхъ больныхъ въ благопріятныя условія жизни, а себя оградить отъ возможности заразиться проказою. Самъ Іисусъ Христосъ показалъ намъ примѣръ милосердія къ прокаженнымъ — Онъ многихъ во время своей земной жизни исцѣлилъ и наши дѣла милосердія къ ближнимъ оцѣнитъ, какъ если-бы они были сдѣланы лично ему самому (Мѡ. 24, 34—40) и воздастъ намъ самимъ сторицею. Аминь.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

НАГРАДА

ПО ВѢДОМСТВУ О. ПРОТОПРЕСВИТЕРА ВОЕННАГО И МОРСКОГО
ДУХОВЕНСТВА,

ОТЪ СВЯТѢЙШАГО СѢНОДА.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, ко дню Тезоименитства Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Маріи Оеодоровны, во вниманіе къ отлично-усердной службѣ Протоіерея Абась-Тумаской Дворцовой Александро-Невской церкви Константина Руднева, опредѣленіемъ отъ 18-го минувшаго іюля наградилъ его наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ О. ПРОТОПРЕСВИТЕРА ВОЕННАГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА.

ВОЕННО-МОРСКОМУ ДУХОВЕНСТВУ КЪ ИСПОЛНЕНІЮ.

Изъ отчета за истекшій 1907-й годъ по свѣчному заводу для церквей военнаго и морского вѣдомствъ, обнаруживается, что нѣкоторые соборы и церкви и отдѣленія складовъ неаккуратно выплачиваютъ деньги за взятые ими свѣчи: есть церкви, за которыми числится долгъ еще съ 1905/6 годовъ. Вслѣдствіе такой несвоевременной уплаты денегъ общая сумма долга за минувшій 1907-й годъ выразилась въ огромной по размѣрамъ цифрѣ 116196 руб. 58 коп. Подобная задолженность церквей вредно отзывается на финансовой сторонѣ дѣятельности завода, ибо заводъ, отпуская свѣчи въ кредитъ безъ всякихъ процентовъ, самъ въ то же время вынужденъ переплачивать лишніе проценты за неуплату своихъ собственныхъ долговъ.

Обращая на это вниманіе оо. настоятелей военныхъ соборовъ и церквей и завѣдующихъ отдѣленіями склада, предлагаю имъ на будущее время при уплатѣ денегъ за свѣчи строго руководствоваться 11-мъ параграфомъ Инструкціи завѣдующимъ отдѣленіями, по которому «свѣчи съ завода отпускаются въ кредитъ лишь краткосрочный, не свыше двухъ мѣсяцевъ», — Комитету же поставляю въ обязанность неопустительно слѣдить за точнымъ исполненіемъ настоящаго распоряженія и о неисправныхъ плательщикахъ сообщать мнѣ своевременно. Вмѣстѣ съ симъ напоминаю, въ подтвержденіе прежнихъ моихъ распоряженій, что деньги за взятые свѣчи должны высылаться непременно въ Комитетъ (СПБ. Воскресенскій пр., д. № 18), а не на заводъ, какъ это нѣкоторые дѣлаютъ.

Протопресвитеръ А. Желобовскій.

Доброе слово о добромъ Пастырѣ.

(Изъ приказа по 54-й пѣхотной резервной бригадѣ отъ 19-го апрѣля 1908 г. за № 41).

Въ одномъ изъ свободныхъ полковыхъ помѣщеній 216 Инсарскаго полка устроена подвижная церковь. Стоимость иконостаса и прочей церковной принадлежности не значительная. Благодаря сердечному и умѣлому попеченію полкового священника отца Александра Успенскаго и ктитора капитана Боголюбова, она вполнѣ можетъ выполнять свое назначеніе.

Къ великому моему удовольствію, молодой пастырѣ этого полка отецъ Успенскій по отношенію къ нижнимъ чинамъ не только безукоризненно исполнялъ прямыя священническія обязанности, но по собственному своему желанію, вель съ нижними чинами и бесѣды по сельскому хозяйству и пчеловодству.

Бесѣды религіозно-нравственныхъ и по сельскому хозяйству въ теченіе зимы отцемъ Успенскимъ прочитано—50.

Отъ лица службы приношу искреннюю благодарность отцу Успенскому за его въ высшей степени полезную дѣятельность на пользу полка.

Начальникъ 54-й пѣхотной резервной бригады, генераль-маіоръ *Шилейко*.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

Слово на праздникъ Тихвинской Иконы Божіей Матери (1).

Пресвятая Богородице, спаси насъ!

На рѣкѣ Тихвинкѣ, Новгородской губерніи, Тихвинскаго уѣзда, есть Тихвинскій монастырь. Не блещетъ онъ красотами природы: глухіе лѣса, едва проходимыя болота окружаютъ его. Но изъ года въ годъ тянутся сотни, тысячи богомольцевъ съ своими радостями, горями, скорбями, со страданіями, чтобы сложить эту тугу земную у подножія того чудотворнаго образа Богоматери, который составляетъ дорогую цѣнность этого монастыря. Цѣлыя тысячи воспоминаній, священныхъ, дорогихъ сердцу каждаго Русскаго православнаго человѣка витаютъ и надъ этимъ образомъ и надъ тихою обителью, вѣщающая о вѣковой любви, высшей Правдѣ Божіей, къ которой всегда стре-

(1) Проявлена въ полковой праздникъ 7-го Финляндскаго стрѣльцоваго полка.

мится душа человѣка. Про эту вѣковую любовь къ падшему человѣку, про эту высшую правду Божію къ людямъ могли-бы поразсказать многое и эти стѣны монастырскія, и Храмъ Божій, и тѣ вѣковыя деревья, что украшаютъ обитель, а главное, этотъ дивный образъ Богоматери. Они поразсказали бы, какъ плохенькій монастырекъ, назадъ тому тысяча четыреста тридцать лѣтъ, въ ту далекую пору, огражденный плохимъ деревяннымъ острогомъ, могъ въ теченіе семи лѣтъ съ небольшою горстью храбрецовъ отбиваться отъ многочисленнаго войска непріятельскаго. Они поразсказали бы, какъ въ помощь храбрецамъ, свято вѣрившимъ въ правду Божію, не опускающимъ рукъ передъ зломъ, гордыней подходили какіе то чудные воины; что во время одного ужаснаго штурма, когда иноки молились Пречистой Дѣвѣ, а храбрые стояли на монастырскихъ стѣнахъ, въ непріятельскомъ войскѣ сдѣлалось смятеніе, чѣмъ и воспользовались русскіе для удачной вылазки и полной побѣды надъ врагомъ. Словомъ, эти нѣмыя свидѣтели поразсказали бы, какъ Шведы, въ тѣ отдаленныя времена, готовы были завоевать наши сѣверныя окраины, какая то маленькая горсточка Русскихъ людей стала на пути противъ врага съ такою сильною вѣрою въ высшую правду, что самъ Богъ въ Святой Иконѣ Богоматери явился защитникомъ Русской православной народности: «Иди, человѣче, говорила явившаяся Богоматерь слугѣ монастыря Мартиніану, и скажи воеводамъ и всему воинству, дабы прѣгнали они враговъ съ порогу Моего»: И храбрые исполнили приказъ Богоматери. Русская народность — православная была спасена. И эта же народность и по сейчасъ идетъ въ обитель, — идетъ черезъ болота по едва проходимымъ тропинкамъ, несетъ горе, страданія, сомнѣнія, всю эту тугу земную, складываетъ ее къ подножію Чудотворнаго образа и, укрѣпившись здѣсь силой, мощью былыхъ вѣковъ, надеждой на Бога, на Его любовь, успокоившись сердцемъ, расходится снова по своимъ деревушкамъ, городамъ, унося вмѣстѣ съ отрадой сердца и изображенія Богоматери, какъ Она нарисована на Тихвинской иконѣ. И сколько эти иконки (образа) вносятъ въ жизнь русскаго человѣка жизни, — особенно въ тѣ минуты, когда подъ вліяніемъ разныхъ невзгодъ, вѣра колеблется... И вглядываясь въ сѣдую даль былыхъ вѣковъ, вслушиваясь въ дивные звуки пѣсней Богоматери, которые въ Храмѣ звучали словами великой вѣры, любви къ Превѣчному, хочется спросить въ этотъ нашъ полковой праздникъ, день воспоминанія традицій, преданія былыхъ временъ: ну, а мы то, маленькая частичка великой Русской Православной Народности, сохранили-ли свою

народность, которую защищали когда то Божія Матерь и малые числомъ, но великіе духомъ, люди, даже въ исторіи оставшіеся безъ именъ? Наше то зная Русское Православное съ сіяющими словами: крѣпко ли держитесь нами, — потомками той частички храбрыхъ, что защищала деревянный острогъ обители? Или же оно колеблется? Стремимся ли мы своею жизнью дѣятельно прославить свое Русское могучее православное государство, или если это еще трудно для насъ, то, по крайней мѣрѣ, жива ли въ насъ душа Русская Христіанская, чувствуетъ ли она бремя своихъ грѣховъ, вопіеть ли она къ Небу, чтобы оно само пришло на помощь? Темна была жизнь нашихъ предковъ, хотя бы даже тѣхъ, кои защищали Тихвинскій острогъ, но зато въ душѣ этихъ предковъ была такая вѣра въ правду Божию, такая жажда жизни Божіей, что эта жизнь прорывалась помимо воли въ жизнь предка, освѣщала ее свѣтомъ Божиимъ.

Всѣ эти вопросы подчасъ очень волнуютъ, тяготятъ и сейчасъ души многихъ русскихъ, не преклонившихъ колѣна ваалу. И многихъ смущаютъ. Но да не смущается сердце храбрыхъ. Несутся молитвы иноковъ къ небесамъ и небеса разверзаются. Убогая келейка. Старичекъ стоитъ на колѣняхъ въ бѣломъ балахончикѣ. Онъ весь въ молитвѣ. «Матерь Божія, спаси землю русскую», тихо шепчутъ губы старца. Тихо безмолвно въ келейкѣ. Никто не нарушаетъ тишины. Но губы упорно шепчутъ: «Матерь Божія, спаси землю Русскую». — Полночь... — Братигу, — вдругъ вскричалъ старецъ своему келейнику, — «Пречистая грядеть...» Впереди шли два Ангела съ райскими вѣтвями, а за ними Богоматерь въ дивной одеждѣ... «Что вопіешь, любимче мой?» Мать Божія, спаси землю русскую... И стала Богоматерь на молитву съ Серафимомъ...» Это старецъ Серафимъ, подвижникъ и житель нашего вѣка. Да одинъ ли онъ? Изъ каждой избы крестьянской; изъ многихъ уже домовъ боярскихъ несется эта горячая молитва Серафима. Пусть она будетъ усердна... Пусть жизнь русская путемъ страданій сдѣлается свѣтлѣе, а у вѣрныхъ Богу крѣпче. И будетъ время, — не сгинетъ Русская земля. Придетъ Матерь Божія, скажетъ русскому старичку-подвижничку: «что просишь любимче мой». И станетъ Матерь на молитву съ Русскимъ народомъ, и полетитъ молитва вѣры, жизни, любви, правды предъ Вѣчнымъ, и удалится, какъ отъ филиама, все не русское, не православное, не христіанское...

Священникъ 7-го Финляндскаго стрѣлковаго полка *Сергій Соколовскій*.

НА ПАМЯТЬ

о Полковомъ праздникѣ 7-го Финляндскаго стрѣлковаго полка.
26-го Іюня 1908 года.

(Впечатлѣнія очевидца).

Каждому члену полка болѣе или менѣе извѣстенъ общій порядокъ празднованія. Большія приготовленія по части угощенія гостей, декораций по украшенію внѣшняго вида полка и особенно мѣста для парада, муштровка солдатъ къ церемоніальному маршу—это предварительныя дѣйствія празднованія праздника. Молебенъ въ присутствіи полка, парадъ полка, обѣдъ съ гостями, многочисленныя тосты составляютъ самый праздникъ. Но нынѣ въ полку, въ жизнь праздника, привнеслось нѣчто новое. На общемъ собраніи офицеровъ я доложилъ собранію, что на праздникъ хорошо бы было пригласить Протопресвитера Военнаго и Морскаго Духовенства.

Офицеры полка, давно желавшіе видѣть у себя маститаго старца, уполномочили меня привести эту мысль въ исполненіе. О. Протопресвитеръ, еще ранѣе высказывая старостѣ церкви желаніе посѣтить когда нибудь вновь построенную имъ церковь, согласился на просьбу полка быть на праздникѣ. Я былъ въ восторгѣ уже потому самому, что съ пріѣздомъ Протопресвитера, свѣтское празднованіе отодвигалось на второй планъ; — на первый же планъ выдвигалось религіозное торжество праздника, что сразу же и отразилось на предварительныхъ дѣйствіяхъ праздника, даже въ мелочахъ: была измѣнена формула пригласительныхъ карточекъ — гости были званы не на парадъ и обѣдъ, имѣющіе быть послѣ молебна, а на литургію и молебенъ, а послѣ уже на парадъ и обѣдъ... Было рѣшено образовать офицерскій хоръ изъ дамъ и офицеровъ... Свой пріѣздъ О. Протопресвитеръ назначилъ на 8-часовъ вечера—кануна праздника. Къ этому времени я кончилъ всенощную и успѣлъ выяснитъ народу значеніе должности Протопресвитера и пригласилъ встрѣтитъ маститаго старца-представителя духовной жизни христіанскаго воинства. 8 ч. вечера. Было дано знать, что О. Протопр. при входѣ въ храмъ. Я встрѣтилъ его Св. Крестомъ и привѣтствіемъ и пригласилъ его войти въ храмъ, помолитъся вмѣстѣ съ паствою и вдохнуть въ нее огонь любви, мужества на исполненіе ею великаго подвига. Облобызавъ Св. Крестъ, выслушавъ привѣтствіе, О. Протопресвитеръ поблагодарилъ за него, указалъ на свою немощь, недостойнство и пригласилъ народъ помолитъся съ нимъ. Полились звуки входнаго «Достойно».

Старецъ медленно взошелъ на амвонъ. Сотворивъ краткую молитву за Государя, за Отечество, Протопресвитеръ обратился со словомъ къ воинамъ и предстоящему народу. «Великій Старецъ и Апостолъ предносится моему взору, говорилъ Протопресвитеръ—это Апостолъ Любви Іоаннъ. Его завѣщаніе, «дѣти, любите другъ друга», вспоминается мнѣ. Эту-же любовь и я заповѣдую вамъ. Фельдфебеля, унтеръ офицеры, любите своихъ подчиненныхъ. Эту любовь кладите въ основу своего воспитанія подчиненныхъ солдатъ. Смолкъ Протопресвитеръ... Народъ сталъ подходить къ Св. Кресту. Мнѣ приказано было кропить Св. водою подходящихъ ко Кресту. Подходили женщины—дамы офицеровъ и Протопресвитеръ тутъ же указывалъ на высокое значеніе жены Христіанки. Народъ, пѣвчіе пѣли «Спаси Господи». Великое спасибо выразилъ о. Протопресвитеръ народу за пѣніе, просилъ его пѣть и на будущее время. Утро праздн. 10 час.. Развѣвается посреди церкви изображеніе Нерукотвореннаго Спаса на полковомъ знамени (тоже пѣчто новое—прежде знамя не вносили въ церковь). Началась обѣдня. Пѣлъ правый хоръ солдатскій, пѣлъ лѣвый офицерскій, пѣлъ народъ и всѣ вмѣстѣ, словомъ, церковь жила, дышала духомъ молитвъ Великой службы—Литургіи. Солдаты оставались въ церкви до конца службы. По окончаніи обѣдни, выждавъ нѣсколько минутъ, необходимыхъ для построенія парада, Протопресвитеръ подъ сѣнью хоругвей тихо вышелъ изъ церкви, чтобы предъ всѣмъ полкомъ вознести еще разъ краткую молитву-молебенъ за всѣхъ и за вся и пожелать всѣмъ и вся многая лѣта. Не слышно излишней шумливости. Очевидно, религіозное настроеніе еще владѣетъ людьми, что и отражается на тостахъ. Однимъ изъ первыхъ тостовъ послѣ Государя и Главнокомандующаго былъ тостъ за Протопресвитера. Протопресвитеръ въ свою очередь предложилъ тостъ за офицерскую семью. Есть ли есть связь дружеская, говорилъ Протопресвитеръ въ своемъ тостѣ, такъ это въ офицерской семьѣ. И пусть эта связь крѣпнетъ, пусть развивается на благо родины. Многократное пѣніе офицерами «Боже Царя храни», «Многая лѣта», «Славься, Славься» сопровождало тосты. Въ три часа Протопресвитеръ, поблагодаривъ полкъ за хлѣбъ, за соль, направился къ выходу. Поднялись офицеры. «Многія лѣта» офицерскихъ голосовъ огласили улицу. Старикъ генералъ, забѣжавъ впередъ, крикнулъ полку собраться и солдаты окружили о. Протопресвитера стѣною. Генералъ скомандовалъ «наколѣни», и, обнаживъ головы, вся масса солдатъ опустила. Я не забуду никогда этой картины. Величественный старецъ съ длинною сѣдою бородой, а передъ нимъ

склоненная толпа, чающая благословенія. Любите другъ друга, слышится мнѣ издали, честно служите... Рука старца благословляетъ солдатскія головы. Многія дѣта. Громовое «ура» проводило о. Протопресвитера въ квартиру. Въ 6 часовъ вечера Протопресвитеръ уѣхалъ въ Петербургъ.

Священникъ 7-го Финляндскаго стрѣлковаго полка *Сергій Соколовскій*.

Освященіе часовни въ лагеряхъ 99-го пѣхотнаго Ивангородскаго полка.

22-го мая текущаго 1908 года, въ лагеряхъ 99-го пѣхотнаго Ивангородскаго полка, расположенныхъ близъ г. Двинска, состоялось освященіе вновь устроенной деревянной часовни. Часовня сооружена по инициативѣ Командира полка Полковника Шрейдера, въ память благополучнаго возвращенія полка съ Дальняго Востока. Начатая постройкой еще въ прошломъ году*), она окончательно была готова лишь ко дню освященія. Своимъ внѣшнимъ видомъ часовня производитъ прекрасное впечатлѣніе. Верхъ часовни увѣнчанъ 5-ю небольшими главками съ золочеными, деревянными крестами. Внутри часовни развѣшены по стѣнамъ иконы, взятые изъ полковой церкви, особо на аналоѣ помѣщается полковой походный образъ Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго.

Всѣ работы по устройству часовни были выполнены нижними чинами нестроевой роты.

На освященіи присутствовали: Начальникъ 25-й пѣх. дивизіи Генераль-Лейтенантъ Муфель, Начальникъ 2-й бригады 25-й дивизіи Генераль-Маіоръ Астанинъ, Командиръ полка Полковникъ Шрейдеръ, г.г. офицеры Ивангородскаго полка и ихъ семейства, нижніе чины — участники Русско-Японской войны и по нѣсколько чиновъ отъ каждой роты. Часовня была красиво убрана цвѣтами и флагами.

Предъ началомъ молебствія полковой Священникъ произнесъ рѣчь, помѣщенную ниже. Затѣмъ начался чинъ освященія воды при стройномъ пѣніи полкового хора. Въ концѣ молебствія, послѣ отпуста были произнесены обы-

*) Съ выбытіемъ полка въ 1907 г. изъ лагерей, постройка часовни была пріостановлена.

чныя многолѣтія: Государю Императору и Его Августѣйшему Семейству, Святѣйшему Правительствующему Синоду, мѣстному Епископу и о. Протопресвитеру военнаго и морскаго духовенства. Затѣмъ была провозглашена «Вѣчная память» христіолюбивымъ воинамъ, на полѣ брани за вѣру, Царя и отечество животь свой положившимъ и — «многая лѣта» христіолюбивому, всероссійскому, побѣдоносному воинству. При возглашеніи «Вѣчной памяти» всѣ присутствующіе преклонили колѣна. По окончаніи молебствія г. Начальникъ дивизіи осмотрѣлъ внутренность часовни и благодарилъ нижнихъ чиновъ нестроевой роты — строителей.

Сооруженная часовня, напоминая Ивангородцамъ о битвахъ съ Японцами, въ то же время является памятникомъ тѣмъ скромнымъ героямъ воинамъ Ивангородскаго полка, могилы коихъ находятся на далекой Манджуріи. По желанію г. г. офицеровъ, въ часовнѣ теплится неугасимая лампада. Завѣдываніе часовней возложено на полкового Священника и ктитора Церкви.

Рѣчь предъ освященіемъ часовни въ лагеряхъ 99-го пѣхотнаго
Ивангородскаго полка.

Христіолюбивые воины!

Православный, русскій народъ издревле отличался набожностью и благочестіемъ. Религіозность русскаго человѣка выражалась и выражается въ устроеніи св. храмовъ, часовень, въ сооруженіи св. иконъ. Иностранцы, посѣщавшіе наше отечество, всегда удивлялись множеству храмовъ Божіихъ и часовень видѣнныхъ ими въ русскихъ городахъ и селеніяхъ. И теперь почти въ каждомъ зажиточномъ селѣ, не говоря уже о городахъ, кромѣ храма красуется еще и часовня; посреди каждой большой деревни непременно увидишь или часовню, или просто икону подъ небольшимъ навѣсомъ. Обыкновенно эти иконы и часовни сооружаются цѣлымъ обществомъ по поводу какого либо событія, имѣющаго значеніе для всей деревни, села, или города; напр., по случаю бывшаго пожара, или какой либо повальной болѣзни; по случаю избавленія отъ наводненія, или бури. Иногда часовни устраиваются въ память выдающихся событій, бывшихъ въ семьѣ Царствующаго Дома. И настоящая часовня, на освященіе которой мы собрались, сооружена въ память событія, имѣющаго большое значеніе для всѣхъ чиновъ Ивангородскаго полка, именно: — въ благодарность Господу за благополучное возвра-

щенце полка съ Дальняго Востока, гдѣ полкъ, участвуя въ сраженіяхъ съ Японцами, съ честью поддержалъ свою столѣтнюю, боевую славу. Часовня эта должна быть святыней для каждаго христіанина, въ особенности же для воина Ивангородца. Ему она должна напоминать о тѣхъ дняхъ, которые полкъ провелъ въ далекой Манджуріи; должна напоминать и о тѣхъ собратяхъ, коимъ Господь судилъ положить на полѣ ратномъ души свои за вѣру, Царя и отечество и о которыхъ онъ долженъ возносить Господу частыя моленія. Живя вблизи часовни, вы, Христолюбивые воины, всячески старайтесь избѣгать того, что можетъ оскорбить эту святыню, какъ-то: произнесеніе бранныхъ словъ, неприличныхъ шутокъ, пѣсенъ и т. п. Въ благодарныхъ чувствахъ Господу, за всѣ Его великія милости, вознесемъ усердныя молитвы Небесному Владыкѣ нашему, дабы Онъ принялъ сію часовню, какъ благодареніе наше за Его благодѣянія, изліянныя на нашъ полкъ, и ниспослалъ на нее Свою освящающую благодать. Аминь.

Священникъ 99-го пѣх. Ивангородскаго полка Андрей *Аркадовъ*.

Устройство Церкви въ 216-мъ пѣхотномъ резервномъ Инсарскомъ полку.

(Святая любовь, при помощи Божіей, преодолеваетъ всѣ препятствія).

Наконецъ совершилось великое и святое дѣло — устройство храма въ 216-мъ пѣхотномъ резервномъ Инсарскомъ полку, который въ дѣлѣ удовлетворенія религиозныхъ потребностей былъ поставленъ въ самыя тяжелыя и неблагопріятныя условія. Инсарскій полкъ, очень молодой, сформированъ всего 11 лѣтъ тому назадъ, и не имѣлъ своего полкового храма; для богослуженія Епархіальнымъ Начальствомъ былъ отведенъ придѣлъ при кафедральномъ соборѣ, гдѣ находится тагъ называемый Иннокентіевскій склепъ. Этотъ склепъ былъ малъ, мраченъ, сыръ и холоденъ и отстоялъ далеко отъ казармъ, а потому естественно, что всѣ, кто могъ, уклонялись отъ его посѣщенія и уходили въ ближайшіе приходскіе храмы. Я знаю, наприимѣръ, случаи, когда полковой врачъ прямо запрещалъ посѣщеніе этого храма въ

виду его антигигиеничныхъ условій. Нужда въ устройствѣ своего храма была настоятельная, а потому мой предшественникъ о. Стефанъ Бѣлинскій еще во время кампаніи собралъ для этой цѣли пожертвованій около 2000 руб., а по возвращеніи въ Пензу онъ же дѣятельно принялся за осуществленіе этого святаго дѣла.

Когда въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1906 года я прибылъ въ Инсарскій полкъ, то планъ и смѣта на устройство полковой церкви были уже составлены, а городомъ было отведено громадное казарменное зданіе. Оставалось только испросить разрѣшеніе Отца Протопресвитера, что по моему настоянію и было немедленно сдѣлано. Ожидаемое разрѣшеніе послѣдовало черезъ мѣсяцъ, но за это время въ полку многое измѣнилось. Командиръ полка полковникъ Мухарскій, горячо сочувствовавшій дѣлу устройства полкового храма, вышелъ въ отставку, а на его мѣсто прибылъ нѣкто полковникъ Лосицкій, нынѣ ушедшій въ отставку, который на первый же мой докладъ о предполагаемой постройкѣ полкового храма отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, мотивируя его тѣснотой размѣщенія нижнихъ чиновъ. Однако я не потерялъ надежду устроить свой храмъ и при всякомъ удобномъ случаѣ дѣлалъ по этому поводу представленія командиру полка, но все безъ успѣха. Наконецъ лѣтомъ 1907 года я узналъ, что городская управа приступаетъ къ ремонту двухъ казарменныхъ корпусовъ, которые, вслѣдствіе ихъ ветхости, занимались сравнительно малымъ числомъ нижнихъ чиновъ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я подалъ командиру полка докладную записку, въ которой изложилъ всѣ свои доводы за необходимость устройства своего полкового храма, указавъ между прочимъ, что главное препятствіе—тѣснота размѣщенія нижнихъ чиновъ, съ окончаніемъ ремонта корпусовъ, вѣроятно, будетъ устранена. Благоприятный результатъ моего послѣдняго доклада не замедлилъ послѣдовать. Дня черезъ четыре командиромъ полка былъ посланъ рапортъ начальнику бригады о разрѣшеніи приступить къ постройкѣ церкви въ отведенномъ городомъ помѣщеніи. Хотя разрѣшеніе начальника бригады послѣдовало очень скоро, но къ дѣлу приступать было нельзя, такъ какъ ремонтъ корпусовъ еще не былъ законченъ и церковное зданіе попрежнему занималось нижними чинами. Когда же до окончанія ремонта оставалось всего дня три, вдругъ послѣдовало распоряженіе командующаго войсками округа о новомъ размѣщеніи ротъ, которымъ опять отнималось предназначенное для церкви зданіе. Такимъ образомъ, дѣло на порогѣ къ своему осуществленію рухнуло опять и, казалось, рухнуло навсегда. Положеніе мое было очень

тяжелое. Но увѣренность въ торжество святого дѣла и тутъ меня не покинула. Я думалъ, что, быть можетъ, Господь испытываетъ мое терпѣніе и настойчивость въ достиженіи святой цѣли, а потомъ устранить всѣ препятствія. Выслушавъ безропотно новое распоряженіе, я сталъ терпѣливо и съ надеждой ожидать болѣе благопріятнаго момента и эта надежда меня не обманула. Въ послѣднихъ числахъ ноября 1907 года 6-я рота нашего полка была вызвана на охрану въ уѣздный городъ Наровчатъ. Помѣщеніе ея оставалось свободнымъ и мнѣ разрѣшено было отправлять тутъ всенощныя, а Литургіи по прежнему отправлялись въ кафедральномъ соборѣ. Пользуясь этимъ разрѣшеніемъ, я вошелъ къ командиру полка съ ходатайствомъ устроить тутъ небольшой походный храмъ и представилъ смѣту на потребный для этой цѣли матеріалъ и на пріобрѣтеніе необходимой церковной утвари. Въ виду слуховъ, что 6-я рота возвратится съ охраны не ранѣе весны, командиръ полка далъ просимое разрѣшеніе, а завѣдывающій хозяйствомъ приказалъ нарядить нужныхъ рабочихъ. Тутъ были свои иконописцы, токари, столары и плотники и нужно было видѣть, съ какою радостію и энергіей они принялись за устройство своего родного Храма. Работа была закончена въ 4 недѣли, а 23-го декабря 1907 г. храмъ былъ освященъ въ честь и славу Богоявленія Господня—нашего полкового праздника. Число молящихся за богослуженіемъ увеличилось втрое. Свой полковой храмъ стали часто посѣщать г.г. офицеры и ихъ семейства. Особенно сочувственно откликнулись на мой призывъ къ украшенію храма наши полковыя дамы. Почти каждая изъ нихъ прислала что нибудь отъ своихъ рукодѣлій, офицеры жертвовали нѣкоторые предметы церковной утвари, а подпоручикъ Самсоновъ—нашъ полковой художникъ—написалъ двѣ художественныя иконы: большую запрестольную «Моленіе о чашѣ» на полотнѣ и «Христосъ въ терновомъ вѣнкѣ» на черномъ атласѣ. Такимъ образомъ, нашъ полковой храмъ не только устроился, но по немногу и украшался, а я радовался и благодарилъ Господа. Однако радость моя вскорѣ опять смѣнилась печалью. 15-го января 1908 г., сверхъ всякаго ожиданія, было получено распоряженіе возвратить 6-ю роту на постоянныя квартиры. Нужно было освободить для нея помѣщеніе, занятое церковью, а потому я вновь вошелъ къ командиру полка съ ходатайствомъ отвести для церкви постоянное помѣщеніе, указавъ между прочимъ, какъ неудобно закрыть храмъ, когда онъ просуществовалъ уже мѣсяцъ и когда такъ сочувственно отнеслись къ нему всѣ чины полка. Командиръ полка на этотъ разъ вполне согласился съ моими доводами и отдалъ распо-

ряженіе немедленно освободить для церкви зданіе, отведенное городомъ и перенести туда храмъ. Работы по перенесенію храма велись еще энергичнѣе, чѣмъ прежде, и закончены были къ Великому Посту. Такимъ образомъ только черезъ годъ непрерывныхъ хлопотъ, просьбъ, надеждъ и разочарованій, цѣль была достигнута. Правда, тяжелъ былъ для меня этотъ годъ, временами прямо опускались руки, но добрый конецъ и сознание исполненнаго долга вознаградили за все.

Благодареніе Господу! Теперь Инсарцы имѣютъ не только храмъ Божій, въ которомъ горячо молятся за своего Верховнаго вожда, Помазанника Божія и за Святую Русь, но и обширный залъ для религіозно-нравственныхъ собесѣдованій, во время которыхъ алтарь закрывается постоянной завѣсой.

Не стану описывать самаго устройства храма, а скажу лишь, что онъ, не поражая грандіозностью и богатствомъ, тѣмъ не менѣе, по выраженію начальника бригады, производитъ впечатлѣніе красоты и уютности и вполне соответствуетъ своему назначенію.

Въ заключеніе не могу не выразить моей глубокой сердечной благодарности ктитору церкви, капитану Боголюбову, который своимъ горячимъ сочувствіемъ дѣлу устроенія дома Божія, практическими указаніями въ строительномъ дѣлѣ и постояннымъ наблюденіемъ много способствовалъ столь быстрому и удачному осуществленію этого святого завѣтнаго желанія Инсарцевъ.

Священникъ 216-го пѣхотнаго резервнаго Инсарскаго полка Александръ *Успенскій*.

Цастырская задача ¹⁾.

Обративъ свой мысленный взоръ въ глубину прошедшихъ временъ, мы видимъ трогательную картину въ жизни русскаго народа. Всѣ сословія: бояре и земледѣльцы, богатые и бѣдные, составляли какъ бы одну семью, думали одну думу. Всѣ твердо стояли за тѣ устои, на которыхъ созидалось и крѣпло царство русское, не допуская мысли объ измѣнѣ вѣковымъ обы-

¹⁾ См. «Вѣстн. Воен. Дух.» за 1908 г. №№ 12 и 14.

чаямъ и завѣтамъ своихъ предковъ. Въ полномъ смыслѣ съ этими вѣковыми устоями складывалась и текла частная и общественная жизнь русскихъ людей. Дѣти воспитывались въ страхѣ Божиемъ, въ повиновеніи родителямъ и въ почитеніи къ старшимъ. Супружества были связаны не разрывными узами до гроба. Бояринъ, купецъ, ремесленникъ, земледѣлецъ,—всѣ любили св. церковь, какъ мать свою, въ праздники и воскресные дни всѣ шли въ храмъ Божій, который былъ имъ мѣстомъ молитвы и училищемъ благочестія, для всѣхъ тамъ было мѣсто, у всѣхъ находились досугъ и время.

Не такая картина представляется нашему взору въ настоящіе дни.

Измѣнились до неузнаваемости взгляды русскихъ людей, а съ ними строй и характеръ русской жизни. Съ высшихъ слоевъ и до простого народа ослабѣла вѣра въ Бога и преданность св. церкви, а вмѣстѣ съ этимъ, какъ бы по невидимому суду Божию, потускиѣли высокія качества ума и сердца, присущія племени русскому. Вмѣсто патріотическихъ чувствъ, одушевлявшихъ прежде всякаго русскаго человѣка, явилось равнодушіе, вмѣсто преданности отечеству—космополитизмъ. Если не угасла, то видимо угасаетъ любовь къ отечеству, которая такъ согрѣвала русское сердце. Кому не вѣдомо, съ какою радостію и готовностію шли наши предки для спасенія своего отечества отъ татаръ, поляковъ, французовъ, и на какія способности были они жертвы? Гдѣ же теперь эта вѣрность слову и долгу, эта преданность царю и отечеству? Отъ старыхъ обычаевъ и правилъ у насъ остались лишь жалкіе слѣды, которыми пробавляемся мы нынѣ. Какъ блудный сынъ, мы проживаемъ старое богатство, доставшееся намъ отъ добрыхъ предковъ, безъ мысли о будущемъ. А каково должно быть это будущее? Безъ сомнѣнія, мрачное, ибо тамъ, гдѣ не существуетъ любовь, вѣетъ уже холодъ могилы.

Само собою разумѣется, что такой характеръ общественной жизни не можетъ не оказывать вліянія и на среду людей воинскихъ, выросшихъ и воспитавшихся въ духѣ современныхъ воззрѣній. Вліяніе это тѣмъ пагубнѣе, чѣмъ выше обязанности долга и службы. Въ средѣ воинской съ упадкомъ вѣры въ Бога несомнѣнно слѣдуетъ умаленіе доблести, съ уменьшеніемъ уваженія къ начальствующимъ—паденіе дисциплины, съ потерей чистоты нравовъ—разслабленіе крѣпости тѣлесной. Къ чему же въ концѣ концовъ должно привести оскудѣніе нравственныхъ началъ, какъ не къ паденію духа воинскаго, на коемъ покоится цѣлость и безопасность государства?

По истинѣ тяжелое положеніе переживаетъ св. Русь.

Въ чьемъ сердцѣ горитъ пламень любви къ своей родинѣ, въ комъ живетъ духъ преданности своему отечеству, тотъ не можетъ отъ души не скорбѣть о тѣхъ печальныхъ явленіяхъ, которыми характеризуется современная жизнь.

На комъ же должна лежать забота о воспитаніи въ народѣ религиозно-нравственныхъ убѣжденій и патриотическихъ чувствъ? Само собою разумѣется, что такая забота—долгъ каждаго истиннаго христіанина и вѣроподаннаго сына отечества, но въ особенности это долгъ пастыря церкви. Такая обязанность пастырей вытекаетъ прежде всего изъ ихъ назначенія, какъ духовныхъ стражей своего народа. «Сыне человѣчь? Тебя Я поставилъ стражемъ дому Израилеву и ты будешь вразумлять его отъ Меня день и ночь» сказалъ Господь пророку Іезекілю (Іезек. 33, 7).

Вѣрные своему призванію пастыри церкви должны проникнуть во всю глубину настоящаго положенія народа, указать своимъ пасомымъ вѣрный путь, по которому они должны слѣдовать, какъ христіане и граждане, и тѣмъ сохранить во всей цѣлости славу и величіе своего отечества. Исключительную важность эта миссія имѣетъ въ настоящее время, когда, выражаясь языкомъ Св. Писанія, Господь навелъ мечъ на нашу землю.

Какой же путь къ нравственному обновленію общества можетъ считаться прямымъ и вѣрнымъ?

Много есть путей, которые кажутся прямыми человѣку, но конецъ—гибель и смерть. Единственный вѣрный путь,—это, конечно, тотъ, который указанъ Христомъ. Существенными качествами этого пути служатъ вѣра въ Бога и любовь къ ближнему. Въ убыли этихъ чувствъ лежитъ причина современныхъ смуть и нестроений, въ воспитаніи ихъ—обновленіе общества. Многіе ли наблюдаютъ это? Приливы и отливы у берега моря—явленія столь обыденныя, что за безконечной смѣной ихъ жители побережья не замѣчаютъ явленія болѣе крупнаго—измѣненія линіи самаго берега. А она, хотя медленно, но непрерывно мѣняется: то материкъ у моря, то море у материка отнимаетъ часть прежнихъ владѣній; то падаетъ въ море подытая волною скала, то море уходитъ далеко отъ людей, жившихъ когда то на самомъ его побережьи.

Нѣчто подобное происходитъ въ жизни современнаго общества. Здѣсь, какъ и въ природѣ, идетъ смертельная борьба съ переменнымъ успѣхомъ: въ одномъ мѣстѣ волна религіознаго равнодушія и безбожія заливааетъ огонь

вѣры, въ другомъ тоже волна бѣжитъ назадъ, уступая вѣрѣ часть прежнихъ своихъ владѣній. Жители прибрежныхъ мѣстъ, дабы обезопасить себя со стороны моря, издавна строили *дюны*. Подобную же работу нужно дѣлать теперь пастырямъ цекви. Невѣрію и «лжеименному» знанію нужно всегда противопоставлять вѣру, какъ твердую скалу, какъ нравственное убѣжденіе, какъ исповѣданіе сердца. Это во-первыхъ. Само собою понятно, что одной заботой о вѣрѣ не должна ограничиваться дѣятельность пастырей церкви. «И бѣсы вѣруюю и трепещутъ», говоритъ Св. Апостоль.

Съ ревностію о вѣрѣ неразрывно должны быть соединены стараніе и забота о воспитаніи въ сердцахъ пасомыхъ христіанской—живой и дѣятельной—любви, какъ единственной въ рукахъ людей силы, могущей обновить міръ.

Есть одна очень трогательная индійская легенда. Отъ самаго начала міра, говоритъ эта легенда, на островѣ Цейлонѣ растетъ одно священное дерево. Въ продолженіе многихъ тысячелѣтій оно выдержало всѣ невзгоды бурь и непогодъ, никакая сила не можетъ сломать его крѣпость. Сами боги покровительствуютъ этому могучему исполину и даютъ ему чудодѣйственную силу одарять безсмертіемъ всѣхъ людей, которые будутъ питаться его плодами. Къ сожалѣнію однако плоды этого дерева не только не созреваютъ, но и не выходятъ изъ состоянія завязи, такъ какъ тропическое солнце безсильно налить ихъ живительными соками. А потому все живое, не смотря на этотъ дивный даръ боговъ, осуждено на смерть и разрушеніе.

Это дерево—есть образъ челоуѣчества.

Никто не станетъ спорить, что всѣ несчастія и бѣдствія въ жизни, а съ ними всѣ нестроенія и раздоры въ обществѣ, существуютъ только потому, что сердце людское не согрѣто живительнымъ огнемъ христіанской любви. Заронить искру этого чувства во взаимныя отношенія людей и раздуть ее въ свѣтлое, горячее пламя—вторая задача пастыря церкви. Широка и высока миссія пастырства! Эта миссія должна быть для него выше самой жизни, ибо, принявъ чрезъ рукоположеніе благодать священства, пастыри взяли на себя иго труда служенія народу и пошли къ нему. Горе тѣмъ пастырямъ, которые услышатъ обращенный къ нимъ гласъ Сына Человѣческаго: «знаю твои дѣла: ты ни холоденъ, ни горячъ, но такъ какъ ты только теплъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ». (Апок. 3, 15—16).

Не въ правѣ ли будутъ и всѣ ушедшіе изъ церковной ограды и всѣ заблудшіе въ непроходимыхъ дебряхъ соціальныхъ ученій бросать равнодуш-

нымъ пастырямъ горькій упрекъ такими словами: «мы спрашивали у васъ духовнаго хлѣба, а вы подали намъ камень, мы искали живого слова, а вы давали намъ мертвыя формулы. И вотъ мы пошли своими путями». Да не будетъ!

Протоіерей церкви Гвардейскихъ казачьихъ частей, Іоаннъ *Бугославскій*.

Воспоминанія и впечатлѣнія перваго судебного священника во время заграничнаго плаванія въ 1900 г.

(Отъ Чернаго моря до Балтійскаго).

(Продолженіе).

Мы находились на морской границѣ между Европой и Азіей и видѣли предъ собою берега той и другой; этотъ-то проливъ содѣйствовалъ частымъ набѣгамъ сыновъ дикой Азіи на мирныхъ обитателей просвѣщенной Европы; еще 2400 лѣтъ назадъ здѣсь гдѣ-то Дарій персидскій построилъ мостъ для переводъ своихъ войскъ изъ Азіи въ Европу. Жизнь на берегу, повидимому, только еще пробуждалась и не вошла еще въ свою обычную шумную колею; однако съ Европейскаго берега доносился уже усердный лай преслѣдовавшихъ каждого проходившаго гражданка собакъ, о которыхъ такъ много говорятъ и пишутъ бывавшіе въ Константинополь съ сочувствіемъ и вмѣстѣ омерзениемъ къ ихъ скелетообразному виду и которыхъ, очевидно, многовато и для такого большого города, по крайней мѣрѣ—болѣе того количества, какое ему подъ силу хорошо кормить ¹⁾).

Но вотъ около 8 ч. берега нѣсколько раздвинулись; воды пролива получили большій просторъ какъ будто для того, чтобы дать возможность одновременно любоваться въ ихъ зеркалѣ, не тѣсня другъ друга, и раски-

¹⁾ Обиліе собакъ у турокъ, кажется, только Константинопольскихъ, объясняется, какъ мнѣ кто-то говорилъ, будто бы тѣмъ, что они у нихъ пользуются тѣми же симпатіями, что гуси у древнихъ Римлянъ только по совершенно противоположной причинѣ: тогда какъ у послѣднихъ гуси «отличены» за то, что «предки Римъ спасли», собаки у турокъ—за то, что будто бы первые ворвались въ Константинополь при его завоеваніи и такимъ образомъ какъ бы помогли имъ взять его.

нувшемуся на Европейскомъ берегу Константинополю, древнему Цареграду, древнѣйшей Византіи и нынѣшнему турецкому Стамбулу, и его «визави» на Азіатскомъ берегу—Скутари. Константинополь расположенъ въ тупомъ углу, образуемомъ Босфоромъ и Мраморнымъ моремъ и раздѣляемомъ заливомъ «Золотымъ Рогомъ», по лѣвую сторону коего находится самый городъ съ возвышающимися среди множества скученныхъ зданій минаретами и куполами мечетей, а по правую—предмѣстья его—Пера и Галата. Глядя на столицу древней Византіи и новой Оттоманской имперіи, трудно было себѣ представить, что видишь предъ собою городъ, пережившій и вынесшій на своихъ плечахъ набѣги дикихъ полчищъ, какъ ураганъ все сокрушавшихъ на своемъ пути и какъ огонь превращавшихъ все въ груды развалинъ и пепла. а еще болѣе—городъ, представляющій изъ себя, по суду присяжныхъ политиковъ, специалистовъ пресловутаго «восточнаго вопроса», центральный или жизненный нервъ заживо разлагающагося организма, этого—«живого мертвеца», какъ давно уже привыкли отзываться о Турціи. Но не столько столица эта привлекала вниманіе большинства зрителей съ яхты, тѣмъ болѣе, что она какъ будто и не хотѣла показать себя во всей своей наружной красѣ, скрываясь въ облакахъ утренняго тумана и тучахъ дымового и параконнаго дыма, сколько древняя «великая Церковь» и «Матерь Имперіи» Византійской—храмъ св. Софіи, а нынѣ главная султанская мечеть. Взоръ всѣхъ былъ какъ бы прикованъ къ этому грандіозному, хотя и изуродованному минаретами и другими мусульманскими пристройками, драгоценнѣйшему ¹⁾ сооруженію Юстиніана, которое и въ униженномъ состояніи и съ полумѣсяцемъ на куполѣ остается для сердца христіанина прежней святыней, имѣющей, вслѣдствіе такой своей трагической судьбы, даже какъ будто еще большую духовную прелесть и неизяснимое нравственное обаяніе; уже четыре съ половиною вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ оно превращено въ мечеть поклонниковъ Магомета ²⁾, а для христіан-

¹⁾ «Постройка храма св. Софіи стоила, по вычисленію историковъ, приблиз. 2200000 рублей нашихъ, что сравн. съ цѣнностью нашего времени будетъ около 300 милл. руб.», «св. Градъ Іерусалимъ» Арсенія, Еп. Сух., стр. 12 (С.-ПБ. 96 г.), а по Прот. Маркову («Храмъ св. Софіи») около 130 милл. р. сер. (стр. 26).

²⁾ «Въ мечеть обращенъ этотъ храмъ тотчасъ послѣ завоеванія Константинополя турками; завоеватель Магометъ II, вступивъ въ городъ, прежде всего направился къ храму св. Софіи и, пораженный его великолѣпіемъ, приказалъ тутъ же провозгласить поклоненіе исламу» (Еп. Арс. стр. 13). Самый обрядъ превращенія св. храма въ мечеть состоялъ въ томъ, что одинъ изъ мулѣвъ, по приказанію Магомета, взошелъ на Епископскій престолъ и прочелъ молитву, а султанъ послѣ этого совершилъ на св. престолѣ свой намазъ («Паденіе Константинополя». Шеляговскій, стр. 127).

скаго сердца оно остается попрежнему «домомъ Божиимъ», «домомъ молитвы» «истинныхъ поклонниковъ Отца Небеснаго» (Ин. 2, 15; 4, 23; Мате. 21, 13), воздвигнутымъ въ честь и славу св. Софіи—Премудрости Божіей и цѣлое тысячелѣтіе существовавшимъ еще до своей печальной метаморфозы.

И не удивительно, ибо съ этимъ храмомъ связано столько церковно-историческихъ воспоминаній и народныхъ легендарныхъ сказаній, приуроченныхъ къ его возстановленію¹⁾; а для насъ [русскихъ св. Софія была и будетъ предметомъ не только удивленія, какъ вѣнецъ художественнаго искусства и церковной архитектуры, но и предметомъ почитанія еще потому, что подъ этими сводами послы русскаго князя Владиміра, присутствуя при богослуженіи патріарха, по ихъ словамъ, не знали, на землѣ ли они или на небѣ, слышали лики ангеловъ, вторившихъ трисвятой пѣсни, и, озарившись свѣтомъ истинной вѣры, перенесли ее потомъ въ Россію. Недаромъ историки называли этотъ храмъ «земнымъ небомъ», «второю твердію», «престоломъ и славою Господними», а общій голосъ всего міра назвалъ его «чудомъ свѣта». Справедливъ былъ, вѣроятно, Юстиніанъ, воскликнувшій при созданіи его: «я побѣдилъ тебя, Соломонъ!» Все это и многое другое быстро пронеслось въ головѣ при взглядѣ на св. Софію. Былъ первый воскресный день великаго поста, а потому мысль невольно уносилась за 1060 лѣтъ назадъ, когда въ этотъ день въ семъ св. храмѣ, послѣ пятивѣковыхъ еретическихъ волненій, происходило «торжество православія» надъ всѣми ересями вообще и надъ иконоборческой, волновавшей христіанскій міръ въ теченіи послѣдняго вѣка, въ частности. Жаль было проходить мимо, не останавливаясь; и если еще, не осмотрѣвъ города, можно было утѣшать себя тѣмъ, что только «видъ съ моря на городъ прекрасный, а самъ по себѣ онъ не привлекателенъ, такъ какъ его «улицы тѣсны и грязны въ высшей степени²⁾» (хотя и это было нѣсколько похоже на Крыловскую лисицу у винограда); то не осмотрѣть святыни его было боль-

1) Таково извѣстное преданіе о свщенникѣ, скрывшемся со св. Дарами въ стѣнахъ храма при взятіи его и имѣющемъ отсюда выйти съ ними для окончанія Литургіи, когда онъ снова будетъ возвращенъ православію (Марковъ—стр. 18. Шеляг.—стр. 143—144 и «храмъ св. Софіи въ К., обр. турками въ мечеть» СПб. 1877 г. стр. 29). Очевидно, преданіе о возвращеніи Константинополя къ христіанамъ извѣстно и туркамъ, почему они и захватили такъ называемыя золотыя ворота, такъ какъ, по народному преданію, этими именно воротами должны войти христіане для освобожденія Византіи и изгнанія ихъ изъ Европы (Шеляг. стр. 55).

2) Еп. Арсенія, «св. гр. Іерусалимъ»—стр. 7.

шой невозградимой потерей; а вѣдь, помимо св. Софіи, здѣсь интересно бы посмотрѣть Константинопольскую патриархію—такъ называемую «Великую церковь» съ ея святынями¹⁾, «Живописный Источникъ», почитаемый не только христіанами, но и магометанами, Вселенскую Церковь Божіей Матери, извѣстную намъ по тому событію въ ней, которое у насъ доселѣ празднуется 1-го Октября, хотя у грековъ, какъ это ни странно, этотъ праздникъ давно уже забытъ²⁾.

Поэтому то и жаль было, что на воротахъ Стамбула для насъ, желавшихъ попасть туда, на этотъ разъ невидимыми буквами были начертаны тѣже слова «оставь всякую надежду» (т. е. войти въ него), какія были на вратахъ Дантовскаго ада и служили приговоромъ для попавшихъ туда и желавшихъ вырваться оттуда. Кто знаетъ, приведетъ ли Богъ даже мимо, какъ теперь, еще разъ пройти, а тѣмъ болѣе зайти въ этотъ церковно и гражданске-историческій городъ.

Съ этими грустными мыслями и чувствами приходилось посылать мысленный прощальный привѣтъ городу и поклонъ св. Софіи до тѣхъ поръ, пока она не смѣшалась въ группѣ другихъ мечетей и зданій. Все только что мимоходомъ видѣнное наводило затѣмъ на досугъ на многія размышленія и, между прочимъ, думалось: скоро ли придетъ то вождѣльное время, когда, по общему убѣжденію всѣхъ грековъ, единовѣрное государство разобьетъ сковывающія Византію мусульманскія рабскія цѣпи и на храмъ св. Софіи ярко засіяетъ, какъ нѣкогда сіялъ, св. крестъ вмѣсто замѣнившаго его магометанскаго полумѣсяца; тѣмъ скорѣе бы хотѣлось дожить до этого, отраднаго для всего христіанскаго міра, времени, что, по тому же убѣжденію Грековъ, это православное государство—спаситель Византіи—есть Россія!

За Константинополемъ вступаемъ въ Мраморное море; берега еще далѣе отодвигаются въ ту и другую сторону, однако совсѣмъ не скрываются, а все время остаются на виду, хотя по сравненію съ берегами Чернаго моря и Босфора очень низменны. Это даетъ возможность увидѣть вдали на правомъ (Европейскомъ) берегу высокій памятникъ Санъ-Стефанскаго договора, золоченный крестъ котораго ярко блестѣлъ на солнцѣ. Здѣсь то въ Турецкую кампанію, предпринятую для освобожденія единовѣрныхъ намъ братьевъ—славянъ отъ тяжелаго турецкаго варварства и фанатизма, рус-

¹⁾ По сообщенію пр. Арсенія, тамъ сохранились: часть столба, къ коему былъ привязанъ І. Хр., мощи свв. Евѣиміи, Соломоніи и Теофаніи и кафедра св. Іоанна Злат. (ibid. стр. 8).

²⁾ Подробнѣе см. у Пр. Арсенія въ назв. кн. стр. 7—13.

скія войска остановили свое побѣдоносно завоевательное движеніе и въ виду Константинополя, къ которому такъ рвались сердца всѣхъ, должны были вернуться во свояси.

Въ 9 ч. у. всѣ судовые часы (одновременно движущіея электрическимъ токомъ), сообразно съ мѣстнымъ временемъ, были приостановлены на 20 минутъ.

По случаю воскреснаго дня въ 10 ч. по новому времени, пользуясь спокойнымъ состояніемъ моря, отслужили «Обѣдницу»¹⁾. Это была первая и, какъ оказалось потомъ, послѣдняя праздничная служба въ морѣ—на ходу за все время мѣсячнаго плаванія, такъ какъ въ слѣдующее воскресенье богослуженіе, вслѣдствіе сильной качки, было отмѣнено, а затѣмъ воскресные дни приходились во время стоянокъ въ городахъ.

За молебномъ какъ то сильнѣе и одушевленнѣе звучали слова молитвы къ Спасителю, какъ «упованію всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ мори далече»; думается, усердиѣ внимали этимъ словамъ и съ большимъ чувствомъ присоединялись къ этой молитвѣ и всѣ присутствовавшіе, ибо теперь они молились не только за другихъ, но, прежде всего, за самихъ себя, а вѣдь, какъ что ни говори, а «своя рубашка ближе къ тѣлу».

Переходъ по Мраморному морю былъ только тѣмъ хорошъ, что и здѣсь, какъ въ Черномъ морѣ, было вполне спокойно; но интереснаго вокругъ ничего не было: встрѣчавшіяся изрѣдка небольшія острова, представляя изъ себя груды скалъ, лишены всякой растительности и, повидимому, необитаемы, но крайнею мѣрѣ на нихъ не было видно, какъ говорится, «ни одной живой души» и даже никакихъ признаковъ жизни. Точно также пустыньны и безжизненны низкія приморскія берега. Только при входѣ въ Дарданельскій проливъ на Европейскомъ берегу его увидѣли городъ Галлиполи; снова сдвинувшіеся холмистые берега, покрытые зеленѣющей растительностью, имѣли болѣе пріятный видъ. Общее впечатлѣніе мирной идиллической картины и здѣсь, какъ въ Босфорѣ, нарушали настроенныя по обѣимъ берегамъ пролива земляныя батареи, изъ за которыхъ, какъ шпіоны, выглядывали мрачныя пушки. По мѣстамъ сохранились развалины

¹⁾ Подъ обѣдницей, совершаемой на военныхъ судахъ разумѣется не «Чинъ изобразительныхъ», указанный въ «Часословахъ» и совершаемый, обыкновенно, во св. Четырдесятницу, а въ деревняхъ, имѣющихъ только «Часовни», и въ теченіи всего года, а Литургія съ пропускомъ всего, относящагося къ совершенію Евхаристіи.

древнихъ каменныхъ крѣпостныхъ стѣнъ съ большими отверстіями для пушекъ и съ башнями по угламъ.

Близъ г. Дарданеллъ стоитъ турецкая эскадра, проходя мимо коей яхта сдѣлала привѣтственный салютъ въ 17 выстрѣловъ, на который съ корабля главнаго адмирала турецкой эскадры отвѣтили тѣмъ же. Всѣ корабли эскадры стариннаго устройства, напоминающіе наши затопленные при оборонѣ Севастополя въ его сѣверной бухтѣ, модель коихъ хранится въ музеѣ этой обороны.

Самый городъ (Дарданеллы), расположенный на Азіатскомъ берегу пролива (его имени), соединяющаго Мраморное море съ Архипелагомъ, не особенно великъ, и лучшая часть его, гдѣ находятся зданія всѣхъ консульствъ, расположена по набережной; на зданіи русскаго вице-консульства взвился національный флагъ, какъ салютъ проходившей мимо Р. Императорской яхтѣ. «Противъ города на Европейскомъ берегу стоитъ ветхое старинное укрѣпленіе и тутъ же новѣйшія батареи; (недаромъ) турецкое названіе этой мѣстности въ русскомъ переводѣ значить «ключъ моря. (Въ 5 ч. в.), по выходѣ изъ узкаго Дарданельскаго пролива въ море, взору нашему представляются на лѣвой сторонѣ удаляющіеся все далѣе берега съ возвышенностями; на разстояніи двухъ часовъ плаванія въ направленіи ихъ можно достигнуть тѣхъ береговъ, къ которымъ пристали древніе ахейцы для осады классической Трои, находящейся въ трехъ часахъ пути отъ морскаго берега»¹⁾. Погода не переменяется, такъ что третье море идемъ «штилемъ». Когда совсѣмъ стемнѣло, неподвижныя ярко блестящія слѣва отъ насъ огни маяковъ, означали близость острововъ архипелага.

Справа въ сторонѣ, ближе къ Европейскому берегу, оставался островъ Лемносъ, а нѣсколько далѣе слѣва — ближе къ Малоазійскому — Митилена и Хиосъ, имена коихъ когда то въ дѣтствѣ заучивались почти безсознательно, большею частью при помощи ихъ созвучія и иногда съ досадою на ихъ количество, и только впоследствии, при изученіи древней исторіи, съ каждымъ изъ нихъ стало соединяться то или иное событіе, тотъ или иной мифъ и та или иная героическая и вообще выдающаяся личность. Жаль, что не пришлось не только посѣтить хотя одинъ изъ нихъ, но даже издали при дневномъ свѣтѣ посмотреть на нихъ.

1) Еп. Арсеній Сух. «ев. гр. Иерус.» стр. 15—16.

Утромъ 19-го числа часы еще пріостановлены на 20 минутъ. Доселѣ все спускались «на югъ»; теперь при выходѣ изъ Архипелага въ Средиземное море, курсъ постепенно мѣняется и кладется «на западъ». Въ 11 ч. утра проходили между мысомъ Малеа (на одной изъ конечностей Балканскаго полуострова) и островомъ Чернаго; и тотъ, и другой не представляютъ ничего интереснаго для наблюдений, не производятъ никакого впечатлѣнія, а потому не могли и оставить о себѣ никакихъ воспоминааній. Всѣ почему то стали говорить, что за слѣдующимъ мысомъ Матапаномъ «качнетъ»; къ сожалѣнію, ожиданія оправдались. Такимъ образомъ это плаваніе вышло совершенно противоположно прошлому (на пути въ Севастополь): тогда Средиземное море пропустило, а Черное «тряхнуло», теперь—послѣднее было спокойно, а первое взволновано. Итакъ здѣсь то суждено было мнѣ пріучаться по пастоящему «моряковать» и, по выраженію моряковъ, принять «морское крещеніе». Въ часть дня, едва вышли изъ за мыса (Матапана), какъ открылась сильная «кулевая» (т. е. продольная качка; получила на яхтѣ такая грандіозная качель, что только за взятымъ морякамъ да пожалуй еще любителямъ сильныхъ ощущений ни почемъ было стоять на бакѣ (носу) и ютѣ (кормѣ) яхты—оконечностяхъ этой качели, а новичкамъ, какъ я, особенно съ слабой головой и желудкомъ и вообще некрѣпкимъ организмомъ приходилось искать убѣжища около середины судна, гдѣ качка значительно слабѣе, и уже отсюда съ замираніемъ сердца наблюдать, какъ носъ яхты то высоко-высоко поднимался, какъ будто она взбиралась на крутую гору, то вдругъ опускался, какъ будто она падала въ бездну, отъ одного созерцанія этой картины рябило въ глазахъ и кружилась голова, а стоило стать тамъ хотя на нѣсколько минутъ, какъ вскорѣ духъ захватывало, когда судно, подкинувъ васъ на головокружительную высоту, сразу падало, такъ что у васъ какъ будто моментально ускользала почва изъ подъ ногъ, и вы вструглавъ опускались внизъ, причемъ, теряя равновѣсіе, рисковали всякій разъ упасть. Нѣсколько иное ощущеніе испытывается, когда въ такую качку стоишь на ютѣ: самая качка здѣсь слабѣе, чѣмъ на бакѣ (это потому, что судно, превращаясь въ качель, точку опоры имѣетъ не на срединѣ своей, а ближе къ юту—кормѣ, почему эта половина качели, какъ меньшая по длинѣ, имѣетъ и меньшіе размахи); но за то, когда налетѣвшая волна сильно подхватывала корму, лопасти скрывающихся подъ ней подводныхъ винтовъ (замѣняющихъ колеса у ручныхъ судовъ), псказываясь изъ воды наружу, начинаютъ вращаться быстрѣе нормы,

вслдствіе чего происходитъ такъ называемый «перебой», отъ котораго все судно приходитъ въ сотрясеніе, особенно ошутительное на ютѣ, какъ расположенномъ прямо надъ винтами. Поэтому то было не до наблюдений и всевозможныхъ экспериментовъ; приходилось поскорѣе по добру по здорovu убирать ноги, уходить, какъ я выражался, въ затворъ, переселяться изъ своей каюты «неспокойной», какъ помѣщающейся въ носовой части яхты, болѣе другихъ подверженной качкѣ, въ одну изъ болѣе «спокойныхъ» каютъ, ближе къ срединѣ яхты, менѣе подверженной качкѣ, и тамъ оставаться «на пищѣ св. Антонія», потому что, кому какъ, а мнѣ опытъ показалъ, что свободный желудокъ лучше не беспокоить во время качки, устраняя тошноту и давая возможность сохранить болѣе свѣжую голову. Приходилось «поднять флагъ отдыха»¹⁾ и держать его, какъ потомъ оказалось, вмѣсто двухъ обычныхъ часовъ—20, потому что качка продолжалась вплоть до утра, такъ что нельзя было ни выйти изъ каюты, ни даже сойти съ койки весь день (19 го) и всю ночь на (20-е). Однако въ новомъ убѣжищѣ—затворѣ было свое неудобство (сравнительно съ собственной каютой): это постоянный шумъ и отъ винтового вала, вращавшагося гдѣ то внизу подъ каютой, и отъ волнъ, хлеставшихъ въ иллюминаторѣ²⁾. 20-го числа къ 8 часамъ утра качка начала стихать, потому что были уже близко (хотя и не видно ихъ еще было) берега Аппенинскаго полуострова, за которыми мы и скрывались отъ вѣтра и отъ волны. Черезъ часъ на горизонтѣ справа начинаютъ вырисовываться снѣжныя вершины Аппенинъ, а черезъ часъ—слѣва—берега острова Сициліи, а вдали показалась скрывающаяся своей вершиной въ облакахъ какъ въ туманѣ Этна. Чѣмъ далѣе, тѣмъ разстояніе между островомъ и полуостровомъ болѣе суживается, и берега того и другого все болѣе и болѣе становятся доступными глазу сначала вооруженному биноклемъ, а потомъ и невооруженному. Въ полдень входимъ въ Мессинскій проливъ, и взору открывается картина, на мой взглядъ, мало уступающая по своей красотѣ прелестямъ Босфора: справа по берегамъ Калабріи тянутся безконечной вереницей по склону горъ, покрытыхъ зеленью, и небольшіе города, и какъ бы отдѣльныя приморскія дачи, среди коихъ болѣе другихъ выдѣляется г. Реджіо; всѣ они связаны

¹⁾ Время полуденнаго отдыха (съ 12 до 2-хъ) на военныхъ судахъ объявляется поднятіемъ на «окъ—мачтѣ (передней) флага, означающаго начальную букву слова: „отдыхъ“, отсюда и приведенное выраженіе моряковъ, называющихся вздремнуть.

²⁾ Т. е. овно, а верхнй рядъ оконъ на яхтахъ называется „полубортками“.

между собой желѣзнодорожнымъ путемъ, который по самому берегу моря и по многочисленнымъ перекинутымъ чрезъ горныя рѣчки, впадающія въ море, и долины мостамъ тянется, очевидно, вокругъ всего Аппенинскаго полуострова, скрывая его у прибрежныхъ горъ какъ бы желѣзнымъ кольцомъ. Хорошо видно, какъ параллельно съ нами мчится тамъ поѣздъ; хочется ему обогнать и скрыться изъ нашихъ глазъ, но это ему не удается; идетъ онъ развѣ немного быстрѣе яхты, а между тѣмъ ему приходится останавливаться почти на каждомъ шагу, какъ говорятъ, — у каждаго городка и мѣстечка, чрезъ каждыя пять минутъ, что даетъ намъ возможность не отставать отъ него и долго слѣдить за нимъ. Не мнѣе красивъ и лѣвый берегъ пролива: Сицилія споритъ съ Италіей и если не превосходитъ ее красотами природы, то и не уступаетъ ей. Въ самомъ проливѣ и ближе къ выходу изъ него (по пути съ востока на западъ) у подножія прибрежной горы расположился одинъ изъ двухъ главныхъ городовъ острова (Сициліи)—Мессина, славящійся апельсинами, а потому извѣстный не только изучавшимъ географію, но и незнакомымъ съ нею спеціалистамъ по фруктовой части и вчастности любителямъ апельсиновъ (послѣднимъ онъ извѣстенъ, пожалуй, даже болѣе, чѣмъ первымъ), потому что эти фрукты, откуда бы они на самомъ дѣлѣ не происходили, какого бы сомнительнаго внутренняго свойства и непривлекательнаго наружнаго вида ни были, большею частію своими «спекуляторами» (особенно изъ «князей» — послѣдователей Магомета) выдаются за Мессинскія. Если все то, что представлялось сплошнымъ строеніемъ, принадлежало Мессинѣ и входило въ черту города, то городъ — очень большой и не только торговый, какъ лежащій на такомъ бойкомъ морскомъ пути, по которому тянется масса судовъ, изъ коихъ очень многіе пассажирскіе и грузовые пароходы заходятъ въ его гавань, но и промышленный, судя по обилію заводскихъ и фабричныхъ трубъ. Даровое дивное зрѣлище, доставленное намъ красотами Мессинскаго пролива, продолжалось, какъ и въ Босфорѣ, болѣе часу, и было вдвойнѣ приятно оттого, что всѣ, накануне измученные качкой, за это время въ его затишьи успѣли вздохнуть, освѣжиться и подкрѣпиться, заранѣе готовясь къ новымъ «испытаніямъ». Тоскливое настроеніе не замедлило явиться и отъ однообразія окружающей картины и еще болѣе отъ непріятныхъ ощущеній сильной качки вскорѣ по выходѣ изъ пролива около часу дня: если еще слѣва берегъ (Сицилійскій) долго оставался у насъ на виду, то справа Калабрійскій какъ то сразу далеко отодвинулся отъ насъ, а затѣмъ скоро

и совсѣмъ скрылся изъ глазъ; снова открылось предъ нами безконечное море еще болѣе грозное и бурное, чѣмъ по ту сторону острова и полуострова; оно какъ будто въ засадѣ поджидало насъ, и едва яхта вышла изъ своего убѣжища, какъ оно сразу накинулось на нее, какъ бы желая вдвойнѣ измучить насъ за тотъ кратковременный покой, который мы имѣли въ проливѣ, спрятавшись за берегами Калабріи и Сициліи какъ бы берегами чудной созданной самой природой южной Севастопольской бухты или за стѣнами (молотъ) искусственно-сооруженной гавани, и еще болѣе — за то часовое неизяснимое и неподдающееся описанію удовольствіе, которое испытали тамъ «на ходу». Снова пришлось «уходить въ затворъ»; но на этотъ разъ и онъ не спасъ не только отъ головной боли, но и отъ всѣхъ перипетій такъ называемой «морской болѣзни». Хорошо, что не особенно долго (часовъ 6 или 7) пришлось страдать, такъ какъ, по заранѣе составленному маршруту, 1-я остановка назначена была въ г. Палермо, куда мы и пришли въ тотъ день (20-го) въ 7^{1/2} ч. веч., пройдя въ 80 час. 1236 миль или 2163 версты и дѣлая въ среднемъ по 15^{1/2} миль или 27 вер.

Было уже совсѣмъ темно, когда заштопорили машину и сталп жечь бенгальскіе огни какъ сигналъ для вызова лоцмана ¹⁾). Въ ожиданіи его всѣ столпились на верхней палубѣ, какъ бы желая сквозь мракъ ночи увидѣть скрывающійся въ немъ уже заснувшій городъ; сквозь плотно опущенныя жалюзи не видно было огней въ домахъ, какъ будто ихъ обитатели уже заснули; зато набережная была освѣщена электрическими фонарями на славу, да по поперечнымъ удалявшимся въ горы улицамъ города видны были стройные ряды не особенно яркихъ фонарныхъ огней, а на продольныхъ улицахъ послѣдніе совсѣмъ скрывались за высокими сплошной стѣной стоящими зданіями. Такимъ образомъ нельзя было даже «бросить бѣглый взоръ» на городъ издалека, а ѣхать тотчасъ на берегъ, чтобы осматривать его вблизи и «въ тиши ночного мрака» ни у кого не было никакой охоты, да и не до того всѣмъ было: за трое сутокъ непрерывнаго перехода всѣ изрядно поутомились — кто отъ всевозможныхъ «вахтъ», кто отъ испытанной въ послѣдніе два дня «встряски» на Средиземномъ морѣ, а потому, наскоро подкрѣпившись, всѣ не по обычаю скоро изъ каютъ-компаніи разбредлись по своимъ каютамъ и, выражаясь высокимъ слогомъ, охотно отдались въ объятія Морфея. Даже часамъ снова былъ данъ отдыхъ на 20 ми-

¹⁾ Онъ вводитъ судно въ гавань и указываетъ ему мѣсто стоянки, чего не можетъ судно сдѣлать самостоятельно въ иностранномъ портѣ.

нуть; такимъ образомъ насъ отдѣляло отъ родного Крыма не только значительное пространство, но и время, такъ какъ мы жили теперь часомъ позже его. Но это не отдаляло, а, вѣроятно, еще болѣе сближало каждого съ покинутой на время родиной и со всѣми дорогими сердцу ея обитателями. На чужой сторонѣ, среди чуждаго народа, какъ будто одушевленнѣе и прочувствованнѣе раздавалась въ ночной тиши и мракѣ общая вечерняя молитва на чуждомъ для всего окружающаго, но какъ будто здѣсь — на чужбинѣ болѣе, чѣмъ «дома», родномъ славянскомъ нарѣчїи за своего Царя-Батюшку и родину-матушку. Вѣроятно, задушевнѣе и сердечнѣе были и письма къ роднымъ, которыя, вслѣдъ за телеграммами, на второй же день полетѣли во всѣ концы матушки Россїи съ видами острова Сицилїи и города Палермо на бумагѣ и итальянскими марками на конвертѣ.

(Продолженіе впродъ).

О В Ъ Я В Л Е Н І Е .

Ф А Б Р И К А

Василїя Пименовича

САВЕЛЪЕВА СЫНОВЕИ

изготавливаетъ

Всевозможную церковную утварь,

Какъ-то: кресты, евангелїя, сосуды, ковчеги, всевозможныя ризы на Св. Иконы съ эмалевыми украшенїями, филигриновыми жемчужными платьями и украшенїями изъ камней какъ драгоценныхъ, такъ и искусственныхъ ювелирной работы, гробницы, плащаницы, раки для мощей Св. угодниковъ, облаченїя на Св. престолы и жертвенники, кіоты, сѣни, подсвѣчники, паникадила и всевозможныя иконостасы, какъ деревянные, такъ металлическіе и серебряныя съ различными украшенїями, какъ-то: эмалевыми, накладными чеканными, гравированными, отливными, съ раззолотою и сплошь золоченыя, а также всевозможныя сервизныя приборы: кофейныя, чайныя, столовыя и десертныя, братины, кружки, жбаны и т. п.

Принимаетъ заказы на юбилейныя вещи изящной работы: образа, кресты, складни, блюда, альбомы, папки для подношенїй, также всевозможныя изящныя античныя и стильныя вещи, какъ посудныя, такъ и письменныя приборы.

Производить всевозможные ремонты старыхъ вещей, потерявшихъ свой видъ, какъ-то: золоченіе, серебрение, бронзирование, и проч. для восстановления въ первоначальный новый видъ.

Изготавливаются новые кресты на церковныя главы и самыя главы, а также производится позолота ихъ.

Принимаетъ заказы на исполненіе новыхъ образовъ письма разныхъ стилей, а также исправленіе и поновленіе старыхъ образовъ.

МАГАЗИНЪ

бриллиантовыхъ, золотыхъ и серебрянныхъ вещей, церковной утвари и образовъ. Стѣнные и карманные часы и починка ихъ. Разныя ювелирныя вещи собственной фабрики.

Фирма существуетъ съ 1848 года.

Удостоена многихъ высшихъ наградъ, какъ на русскихъ, такъ и заграничныхъ выставкахъ.

ФАБРИКА: въ Костромѣ, Русина улица, собств. домъ.

МАГАЗИНЫ:

въ Костромѣ, Гостинный рядъ, въ Нижегородской ярмаркѣ,
Главная линія, № 22.

Адресъ для писемъ и телеграммъ:

КОСТРОМА БР. САВЕЛЬЕВЫМЪ.

Содержаніе. Воззваніе Общества борьбы съ приказою.—Часть офиц.: Награда по вѣдомству О. Протопресвитера воен. и морск. духовенства, отъ Св. Синода.—Распоряженія О. Протопресв. о своевременной уплатѣ Свѣчному заводу денегъ за забираемыя свѣчи.—Доброе слово о добромъ пастырѣ.—Часть неофиц.: Слово на праздникъ Тихвинской иконы Божіей Матери.—На память о полковомъ праздникѣ 7-го Финляндскаго стрѣльцоваго полка.—Освященіе часовни въ лагеряхъ 99-го пѣх. Ивангородскаго полка. Рѣчь полкового священника предъ симъ освященіемъ.—Устройство церкви въ 216-мъ пѣх. Инсорокомъ полку.—Пастырская задача (оконч.).—Воспоминаніе и впечатлѣнія перваго судового священника во время заграничнаго плаванія въ 1900 г. (продолженіе).—Объявленіе.

Редакторъ, Прот. **Іоаннъ Таранецъ.**

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Пензурнаго Комитета печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, 11-го Августа 1908 г.

Старшій цензоръ, Архимандритъ **Филаретъ.**